Библиотечка избранной лирики

Сергей Чекмарев

Библиотечка
избранной
лирики

Сергей
Чекмарев

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1964

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Удивительная судьба у Сергея Чекмарева! Двадцати трех лет он трагически погиб, чтобы спустя двадцать два года воскреснуть и никогда уже не умирать. Тетради с его стихами и письмами, сохраненные его близкими, открыли нам Человека с большой буквы, поэта и гражданина. Ценность этого открытия определялась не только литературными мерками. В стихах, письмах, заметках Чекмарева мы услышали голос поколения первой пятилетки, его лирическую исповедь. Замечательные это были люди!

Комсомолец тридцатых годов, направлявшийся в деревню, попадал на передний край великой битвы за социализм. В невероятно трудных условиях приходилось ему жить и работать. Ножом и пулей грозили

ему кулаки. Порой с недоверием встречали его вчерашние единоличники, опутанные сетью вековых предрассудков. Деревня в это время была в значительной своей части темной и неграмотной. Темной в прямом смысле слова: «лампочки Ильича» еще не успели осветить все углы нашей необъятной страны. Но таким смелым и напористым ребятам, как Чекмарев, все эти трудности только прибавляли энергии. Работая агрономами, зоотехниками, учителями, они брались еще за сотню дел, и на все их хватало. Боролись с кулацким охвостьем, активно участвовали в посевной и уборочной и еще в десятках других кампаний, ликвидировали неграмотность, разъясняли смысл революционных нововведений—словом и делом воевали они за утверждение колхозного строя. Этот строй победил, и в его победу внесла свою долю ленинская молодежь тех лет.

Сергей Чекмарев был одним из энтузиастов великой стройки. Жизненный путь его — сколок с тысяч судеб его сверстников. Он комсомольцем учился в сельскохозяйственном институте и, окончив его, поехал работать в башкирский совхоз зоотехником. Здесь и оборвалась его жизнь. Неизвестно, что было тому виной — перевернувшаяся ли повозка, вражеская ли рука. Не исключено последнее, потому что у таких, как он, в те времена было много злобных и ожесточенных противников. Так или иначе, он погиб

на боевом посту, самой смертью своей утверждая нашу победу.

Среди сверстников его выделяет то, что он в своих стихах дал лирическое осмысление пути своего поколения. Он ощущал себя тем гражданином Советского Союза, о котором говорил Маяковский. Свои поступки он соразмерял с деяниями эпохи, и ее пульс, ее живое дыхание чувствуется в каждой его строке.

Стихи Чекмарева являлись составной частью его писем и заметок. Он жил поэзией, и поэзия жила им: все жизненные явления поэтизируются Чекмаревым, и одновременно сама жизнь наполняет и насыщает его стихи. Часто, рассказывая о каком-нибудь событии в письме, он расшифровывает его глубинный смысл в стихах, следующих за оборванной прозаической строкой. И наоборот, иногда стихи поясняются и дополняются прозой. Такова была и жизнь Чекмарева — ее проза и поэзия не соседствовали друг с другом, а сливались воедино, образуя бурный лирический поток. В судьбу поэта рано вошла большая и тревожная любовь. Она пронизала его стихи звенящей нотой горького счастья. Зная историю этой любви, поражаешься чистоте и возвышенности его чувства. Любая женщина могла бы гордиться такой любовью.

Ищущий и беспокойный, настойчивый и целеустремленный, он хотел жить по большому счету

и надолго вперед загадывал свою жизнь. «Сперва я хочу жить, а потом уже писать о жизни. Сперва любить, а потом писать про любовь», — так программировал он свое настоящее и будущее. Но случилось так, что его настоящее и стало его будущим. Стихи, написанные им «для себя», стали стихами «для всех». Об этом он только мечтал, отодвигая создание таких произведений на «вторую половину жизни». Но наперекор природе, вопреки смерти эта мечта его осуществилась. Вторую половину своей жизни Сергей Чекмарев живет с нами. Товарищ среди товарищей, друг среди друзей, комсомолец первой пятилетки!

Сергей Наровчатов

БЫЛА ВЕСНА

Звонок зазвенел,
паровоз заорал,
бригада студентов —
мы мчим на Урал.
Вагоны набиты,
и полки тесны.
Мы — солдаты
второй большевистской весны.
Грустить
или плакать
нам нету причин.
Мы спорим,
смеемся,
поем
и кричим.
О чем-то,
о чем-то
поют буфера?
О том, что готовы
и ждут буккера.

По чем-то,
по чем-то
грустит чернозем?
По умным
по книжкам, —
а мы их везем.
Посеянные озими
соскучились в грязи.
Вези же нас, поезд,
вези, вези!

ГДЕ Я? ЧТО СО МНОЙ?

Ты думаешь: «Вести
В воде утонули,
А наше суровое
Время не терпит.
Его погубили
Кулацкие пули,
Его засосали
Уральские степи.

И снова молчанье
Под белою крышей,
Лишь кони проносятся
Ночью безвестной.
И что закричал он —
Никто не услышал,
И где похоронен он —
Неизвестно».

Товарищ! Не верь же
Вороньему карку,

Отбрось ворожеи
Седые приметы.
Купи на Кузнецком
Уральскую карту,
Вглядись в разноцветные
Миллиметры.

Возьми прогляди
Оренбургскую ветку.
Ты видишь, к востоку
Написано: «Еткуль».
Написано: «Еткуль»,
Поставлена точка,
И сани несутся,
Скрипя полозьями.
И вьюга махнула мне
Белым платочком, —
Мы стали тут с нею
Большими друзьями.

ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ НА ПЕСКЕ

Я от взгляда ее краснею,
Любуясь жилкою на виске,
Но наша сердечная дружба с нею —
Дом, построенный на песке.

Она целует меня, балуясь.
Я уеду, она — в Москве.
Что все мечты мои, все поцелуи?
Дом, построенный на песке.

Но как-то я удивился очень,
Прочитав в календарном листке:
«Как раз бывает особенно прочен
Дом, построенный на песке».

И вспомнил: она так дает свою руку,
Со мною бродит, больше ни с кем,
Может, и правда прочная штука
Дом, построенный на песке?

Снег колючий падает с веток...
Может, и правда конец тоске?
И будет сиять таким чудным светом
Дом,
построенный
на песке?!

* * *

Ты скажешь «нет»? Ты скажешь «да»?
Пока — одно из двух.
Но, Тоня, помни: я всегда,
Всегда твой верный друг.
Я буду там, где должен быть,
Куда поставит класс,
Но мне нигде не позабыть
Сиянья серых глаз.

* * *

Тебя мне даже за плечи
не вытолкать из памяти,
Пусть ты совсем не прежняя,
пусть стала ты другой,
Но переливы глаз твоих
и губы, цвета камеди,
В сознаньи озаряются,
как вольтовой дугой.
Я буду помнить корпус наш,
шаги твои по Лиственной,
Холодное молчание,
горячие слова.
Там пруд пылал, как озеро,
и бред казался истиной,
И от улыбки чуточной
кружилась голова.
Она, любовь, с тобой у нас
не распускалась розою,
Акацией не брызгала,
сиренью не цвела.

Она шла рядом с самою
обыкновенной прозою,
Она в курносом чайнике
гнездо свое свила.
Она была окутана
лиловым чадом примуса,
Насмешками приятелей
и сутолокой групп...
Но на душе тоска была,
и я в огонь бы ринулся
За искорку в глазах твоих,
за очертанье губ.
Теперь с тоскою кончено.
Теперь твои артерии
С моими перепутаны
и переплетены.
И как рисунок бабочки
на шелковой материи,
Над нами тень раскинулась
ибряевской луны.
Скажи мне, неужели ты
со скукой смотришь на́ небо
И жизнь тебя измучила
и кажется сера?
И как в реку́ бросаются,
не глядя, хоть куда-нибудь,
Бежать тебе хотелось бы
из этого села?
А мне минуты кажутся
чудесными и гордыми,
По книгам буквы ползают,
беснуется метель,

И лошади проносятся
с опущенными мордами,
И избы озаряются
улыбками детей.
По «точкам» путешествовать,
не брезговать помоями,
С директорами ссориться,
с кобылами дружить —
Не знаю, как по-твоему,
но, Тонечка, по-моему,
Все это, вместе взятое,
и означает — жить.

* * *

Гляди: уже по Лиственной,
Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.
Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправишься за булками —
Не вытащишь калош.
Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.
Но виснет сердце гирею,
Лежит на сердце тень:
В далекую Башкирию
Я еду через день.
Средь гула, среди дыма я
Забудусь ли в тоске?
Но ты, моя любимая,
Останешься в Москве.

В Москве, где все закружено,
Где звон, где шум, где гуд,
В Москве, где шелк, где кружево,
В Москве, где столько губ,
Где все огнями залито,
Где окна жгут, манят,
Ты позабудешь за лето
Мой исподлобья взгляд.
В Москве, где зори молоды,
Где столько лиц и встреч,
Забудешь очень скоро ты
Мою простую речь.
В Москве, где взгляды — омуты,
Где жизнь кипит, как кровь,
Другому ты, другому ты
Отдашь свою любовь.
Средь топота овечьего,
Среди сосновых смол
Однажды, синим вечером,
Я получу письмо.
И строки жгут больней огня:
«Сереженька, прощай!
Не мучь меня, забудь меня,
Не плакать обещай».
Пускай тоской и пламенем
Пахнет от этих строк,
Но с выраженьем каменным
Я буду сух и строг.
Я высунусь на улицу
И погляжу вперед.
Грустится ль мне, тоскуется ль —
Никто не разберет.

Рукою не усталою
Придвину микроскоп,
К холодному металлу я
Прижму горячий лоб.
«Она была б жена твоя,
И вот ее уж нет.
Так, сердце, рвись же надвое,
Пылай, жестокий бред...»

* * *

Пушистый снег,
Пушистый снег,
Пушистый снег валится,
Несутся сани, как во сне,
И все в глазах двоится.
Вот сосенки,
Вот сосенки,
Вот сосенки направо,
А ты грустишь о Тосеньке...
Какой чудак ты, право!
А ну, пугни,
А ну, пугни,
А ну, пугни Гнедуху!
Пониже голову пригни,
Помчимся что есть духу.
Ведь хорошо,
Ведь хорошо,
Ведь хорошо в снегу быть, —
Осыпал белый порошок
Твои глаза и губы.

На сердце снег,
На сердце снег,
На сердце снег садится.
Храни в груди веселый смех,
Он в жизни пригодится!

В ПУТИ

Сегодня вьюга бесится,
    ехать не велит.
Мерин мой игреневый
    ушами шевелит.
— Ты что, овес-то даром ел
    по целому мешку?
Давай, давай прокатимся
    по белому снежку!
Чтобы глаза заискрились,
    чтобы ветер щеки жег,
Чтобы снежинки вихрились
    в переплетеньях ног.
Кого, скажи, пугаешь ты,
    косматая метель?
Мы все здесь люди взрослые,
    нет маленьких детей.
Нам все равно, голубушка,
    хоть вой ты иль не вой, —
Твой голосок пронзительный
    мы слышим не впервой.

Среди снежинок шелковых,
в нагроможденьи скал,
Я только здесь нашел себе,
чего всю жизнь искал.
Ты что прижался, слушаешь,
мерин, мою речь?
А ну, рвани, как бешеный,
метелице навстречь!
Я все-таки, товарищи,
жалею горожан:
Стоят машины сложные
у них по гаражам.
Там иглы, карбюраторы,
и черт их разберет!
А мы помашем палкою —
и движемся вперед.
Скорость, направление,
и качество езды
Легко мы регулируем
при помощи узды.
Тяжелое чудовище —
пузатый автобу́с,
Он был бы здесь, в ущелиях,
обузой из обуз.
Скажи мне: он проехал бы,
ну, вот на этот стог?
Конечно, не проехал бы,
он сразу тут бы сдох!
А с поршнями и с кольцами
возился человек,
Он не смыкал над книгами
своих усталых век,

Он думал над машинами
десятки тысяч лет...
Таких, как мой игреневый,
еще покамест нет.
С такой вот теплой кожею
и гривою коня,
С такой вот хитрой рожею,
глядящей на меня.
И вот он снова мчит меня,
нисколько не устав,
Опять мелькает в воздухе
скакательный сустав.
И все уже не нужное
я стряхиваю с лет,
И вьюгою за санками
заравнивает след...

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТАНЦИИ КАРТАЛЫ

И вот я, поэт, почитатель Фета,
Вхожу на станцию Карталы,
Раскрываю двери буфета,
Молча оглядываю столы.

Ночь. Ползут потихоньку стрелки.
Часы говорят: «Ску-чай, ску-чай».
Тихо позванивают тарелки,
И лениво дымится чай.

Что же! Чай густой и горячий.
Лэкин карманда акса юк!
В переводе на русский это значит,
Что деньгам приходит каюк.

Куда ни взглянешь — одно и то же:
Сидят пассажиры с лицами сов.
Но что же делать? Делать что же?..
Как убить восемнадцать часов?

И вот я вытаскиваю бумагу,
Я карандаш в руках верчу,
Подобно египетскому магу,
Знаки таинственные черчу.

Чем сидеть, уподобясь полену,
Или по залу в тоске бродить,
Может быть, огненную поэму
Мне удастся сейчас родить.

Вон гражданка сидит с корзиной —
Из-под шапки русая прядь, —
Я назову ее, скажем, Зиной
И заставлю любить и страдать.

Да, страдать, на акацию глядя,
Довольно душистую к тому ж...
А вон тот свирепый усатый дядя
И будет ее злополучный муж.

Вы поглядите, как он уселся!
Разве в лице его виден ум?
Он не поймет ее пылкого сердца,
Ее благородной... Но что за шум?

Что случилось? Люди свирепо
Хватают корзины и бегут,
Потом зажигается много света,
Потом раздается какой-то гуд.

И вот, промчав сквозь овраги и горы,
Разгоняя ночей тоску,

Останавливается скорый —
Из Магнитогорска в Москву.

Чтоб описать, как народ садится,
Как напирает и мнет бока,
Конечно, перо мое не годится,
Да и талант маловат пока.

Мне ведь не холодно и не больно —
Они уезжают, ну и пусть!
Отчего же в душе невольно
Начинает сгущаться грусть?

Поезд стоит усталый, рыжий,
Напоминающий лису.
Я подхожу к нему поближе,
Прямо к самому колесу.

Я говорю ему: — Как здоровье?
Здравствуй, товарищ паровоз!
Я заплатил бы своею кровью
Сколько следует за провоз.

Я говорю ему: — Послушай
И пойми, товарищ состав!
У меня болят от мороза уши,
Ноет от холода каждый сустав.

Послушай, друг, мне уже надоело
Ездить по сте́пи вперед-назад,
Чтобы мне вьюга щеки ела,
Ветер выхлестывал глаза.

Жить зимою и летом в стаде,
За каждую телку отвечать.
В конце концов всего не наладить,
Всех буранов не перекричать.

Мне глаза залепила вьюга,
Мне надоело жить в грязи.
И как товарища, как друга,
Я прошу тебя: отвези!

Ты отвези меня в ту столицу,
О которой весь мир говорит,
Где электричеством жизнь струится,
Сотнями тысяч огней горит.

Возьми с собой, и в эту субботу
Меня уже встретит московский перрон,
И разве я не найду работу
Где-нибудь в тресте скрипеть пером?

Я не вставал бы утром рано,
Я прочитал бы книжек тьму,
А вечером шел бы в зал с экраном,
В его волшебную полутьму.

Я в волейбол играл бы летом
И только бы песни пел, как чиж...
Что ты скажешь, состав, на это?
Неужели ты промолчишь?

Что? Ты распахиваешь двери?
Но, товарищ, ведь я шучу!

Я уехать с тобой не намерен,
Я уехать с тобой не хочу.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я залезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет наверно, —
Это я без нее не могу.

У меня никогда не хватит духу —
Ни сердце, ни совесть мне не велят —
Покинуть степи, гурты, Гнедуху
И голубые глаза телят.

Ну, так что же! Ведь мы не на юге.
Холод, злися! Буран, крути!
Все равно сквозь завесу вьюги
Я разгляжу свои пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Стихи, письма, дневники. Сост. С. Ильичева. Предисловие и ред. М. Луконина. «Молодая гвардия», 1957.

Памятник. «Юность», 1962, № 5.

Стихи, письма, дневники. Сост. С. Ильичева. Предисловие и ред. М. Луконина. «Молодая гвардия», 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

Чекмарев Сергей Иванович

[ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА]. М., «Молодая гвардия», 1964.

32 с. (Б-чка избранной лирики).

Р2

Редактор *М. Беляев*
Художник *Б. Соковнин*
Художественный редактор *Н. Коробейников*
Технический редактор *Л. Кувыркова*

А01727. Подп. к печ. 21/I 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 1(1,37) Уч.-изд. л. 0,8. Тираж 70 000 экз. Зак. 2092. Цена 4 коп. Б. З. № 93, 1963 г., п. 24.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

4 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ